

УДК 811.512.111

МОРДОВСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ*

MORDOVIAN BORROWINGS IN THE CHUVASH LANGUAGE

Э. В. Фомин

E. V. Fomin

*БОУ ВПО «Чувашский государственный институт культуры
и искусств» Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена изучению мордовских лексических заимствований в чувашском языке. Лингвистика еще не располагает какими-либо специальными исследованиями по заявленной теме. Между тем функционирование чувашизмов в мордовских языках является достаточно объективно и исчерпывающе разработанной проблемой. В настоящей работе автором устанавливаются мордвинизмы, бытующие в чувашском языковом пространстве, среди которых *ирсе* 'эрзя', *мăкшă* 'мокша', *куйкăрăш* 'птица счастья', *çеçпĕл* 'медуница', *аламине-саламине* (?), *ватра* (?).

Abstract. The article is devoted to studying the Mordovian lexical borrowings in the Chuvash language. There is no specific research on this subject in linguistics yet. Meanwhile, the functioning of the Chuvash words in the Mordovian languages is quite objectively and exhaustively developed problem. In this paper the author sets the Mordovian words in the Chuvash language space, among which there are *ирсе* 'Erzya', *мăкшă* 'Moksha', *куйкăрăш* 'bird of happiness', *çеçпĕл* 'Pulmonaria', *аламине-саламине* (?), *ватра* (?).

Ключевые слова: мордвинизмы, чувашский язык, мордовские языки, языковые контакты.

Keywords: Mordvinisms, Chuvash language, Mordovian languages, language contacts.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение мордовских заимствований в чувашском языке относится к области контактологии, к которой и чувашская, и мордовская стороны не проявляют особого интереса. Языковеды, как правило, ограничиваются изучением болгаро-чувашизмов в мордовских языках [3, 205–218], [4], [9]. Наличие мордвинизмов в чувашском языке хоть и предполагается, но перечень их так и остается эфемерным. (Аналогичная ситуация наблюдается в чувашско-венгерских языковых отношениях. Венгерский язык сохранил значительное число тюркизмов чувашского типа, но в чувашском языке унгаризмы отсутствуют. Такую ситуацию можно объяснить позитивным влиянием более развитых тюркских племен на культуру правенгров и, возможно, тем, что венгры имели контакты не с древними чувашами, а с другими, уже исчезнувшими болгароязычными этническими группами). Данная работа ставит целью выявить мордовские лексические элементы в чувашском языке.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00045

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили мордовские заимствования в чувашском языке. Их установлению предшествовало изучение научной литературы, так или иначе затрагивающей тему мордовских заимствований. Кроме того, автор приводит два еще не описанных случая абсолютных агнонимов, которые возможно этимологизировать на мордовской основе (*аламине-саламине, ватра*). Исследование базируется на этимологическом анализе.

Результаты исследований и их обсуждение. В мордовских языках зафиксировано более 20 чувашизмов, например: мордЭ. *каштан* ‘гордый’ < чув. *куштан* ‘крикливый; высокомерный, надменный, спесивый, заносчивый’; мордЭ. *сирть*, мордМ. *сирек* ‘ясень’ < чув. *сирёк* ‘ольха’; мордЭ. *сюкоро*, мордМ. *сюкор* ‘лепешка’ < чув. *сайкар* ‘хлеб’; морд. *цера* ‘сын’ < чув. *чура* ‘раб’.

Представляется, что список, составленный еще финским языковедом Х. Паасонен-ом в конце XIX в. [21], должен быть уточнен с учетом современных лингвистических изысканий.

По сравнению с другими финно-угорскими языками Поволжья, объемы чувашских заимствований в мордовских языках незначительны: в марийском языке насчитывается около 1300 [14, 194], удмуртском – более 400 болгаро-чувашизмов (справедливости ради следует заметить, что часть из них с таким же успехом можно квалифицировать в качестве татаризмов) [13]. Это позволило ученым сделать вывод о том, что «мордва только частично подпадала под власть болгар» [7, 108]. В то же время существует другое предположение: в мордовских языках тюркизмов, видимо, было больше, однако многие из них оказались вытесненными русизмами [10, 47]. Особого внимания заслуживает и мысль, высказанная в беседах автора настоящей работы с Н. И. Егоровым, согласно которой чувашизмы в составе номенклатуры мордовского национального костюма функционируют в калькированном виде.

Проблематичность выделения мордовских заимствований в чувашском языке, в свою очередь, ставит ряд вопросов. Почему наличие мордвинизмов предполагается априори, но при этом они никогда не приводятся отдельным списком? (Список возможных мордовских заимствований, представленный Н. А. Андреевым в его легендарной книге «Чăваш чĕлхин лексикологийĕ», во многом случаен и ошибочен: чув. *кала* ‘сказать’ – мордМ. *кяль* ‘язык’, чув. *вула* ‘говорить’ – мордМ. *вал* ‘слово’, чув. *кĕш(те)* ‘желать плохого’ – мордМ. *кяж* ‘злость’, чув. *тачка* ‘сырой’ – мордМ. *начка* ‘влажность’, чув. *панте, панча* ‘рассадник’ – мордМ. *панде* (sic!) ‘гряда’ [1, 70]. Судя по всему, он составлялся из-за необходимости включить в издание хоть какую-нибудь лексику мордовского происхождения). Почему в чувашском языке, соприкасающемся с мордовскими как в самой Чувашской Республике [17], так и в условиях диаспоры [20, 98–101], мордовские заимствования почти не фиксируются? Можно предположить, что данные вопросы обусловлены самим отсутствием интереса к мордвинизмам, поскольку их мало, и недостаточной изученностью чувашских диалектов.

В настоящее время представляется возможным говорить о следующих мордвинизмах в чувашском языке:

Ирсе [ирзэ] ‘эрзя; incomptis, sordidum’ (здесь и далее коннотативные значения даны в переводе на латинский язык. – Э. Ф.) [2, т. 3, 138–139].

Чувашский этноним восходит к мордовскому *эрзя*. Слово носит общечувашский характер и развило коннотацию, что свидетельствует о его давней освоенности. О том же говорит существование ойконимов *Ирсе* ‘Чебаково’, *Тури Ирсе* ‘Верхние Ирзеи’, *Анат*

Ирсе ‘Нижние Ирзеи’, *Вӓтам Ирсе* ‘Средние Ирзеи’ Ядринского района Чувашской Республики [14, 18]. М. Р. Федотов в данном случае исключает возможность какого-либо альтернативного понимания *ирсе*: «... этнонимные основы, извлекаемые из топонимов, могут оказаться мнимыми. Что касается приводимых ... названий, то они при учете большого количества достоверных исторических фактов, свидетельствующих о многовековых контактах предков чувашей с предшественниками многих финно-угорских народов, вряд ли могут вызвать сколько-нибудь серьезные возражения» [14, 18].

Мӓкшӓ [мӓкшӓ] ‘мордвин, мокша; *gustica*’ [2, т. 8, 304].

Основой чувашского слова является мордовское *мокша*. Оно обладает теми же функциональными свойствами, которые были отмечены у слова *ирсе*. И точно так же в случае с *мӓкшӓ* отмечается существование отэтнонимного ойконима *Мокшин* ‘Мокшино’ Чебоксарского района Чувашской Республики, правда, обусловленного русским по средством [14, 18].

Приведенные этнонимы при обсуждении мордвинизмов в чувашском языке по субъективным причинам могут быть проигнорированы. Они, видимо, вследствие их сходства с собственно мордовскими и русскими формами на фоне других, более загадочных, воспринимаются как менее ценные.

Куйкӓрӓш [кујгӓрӓш] (*куйкӓруш*, *хуйхӓрӓш*) ‘1. сказочная птичка, обогащающая человека; 2. змея из яйца птицы?’ [2, т. 6, 255–256], для ср.: по чувашско-русскому словарю 1985 года издания *куйкӓрӓш* – ‘птица счастья’, а также в переносном смысле ‘тихоня, тихий человек’ [18, 190].

Исходной основой *куйкӓрӓш* выступает мордовское *кой горож* ‘птица-змея’, где мордЭ. *гуй* ‘змея’, мордМ. *куй* ‘тж.’ и мордЭ. *корш* ‘коршун’, мордМ. *корож* ‘сова; сын’.

Возможно, слово в чувашском языке обусловлено татарским участием. Согласно татарским источникам, *койгырыш* – ‘1. птица счастья; 2. конек-горбунок’ [12, т. 1, 592], диал. *қойгорош* – ‘птица (*жеребенок*, *ягненок*) счастья’ [10, 46]. При этом в диалектологическом словаре татарского языка *қойгорош* уже никак не соотносится с птицей счастья, а имеет только значение ‘кокетливый, жеманный’ [11, 408] (ср. с чувашским коннотативным ‘тихоня, тихий человек’).

Ҷеҫпӓл [Ҷӕсп’ъл] (*Ҷеҫпӓр*, *вӕспӓл*, *ӕшпӓл*, *ӕшпӓли*, *шпӓл*, *кӕшпӓл*, *кӕшпӓл*, *шӕшпӓл*) ‘медуница; в некоторых говорах листья травы сныти; листья травы *уй паранки*’ [2, т. 12, 93–94].

Объективной представляется этимология *Ҷеҫпӓл*, данная Ю. Дмитриевой. Согласно ее изысканиям, рассматриваемый фитоним заимствован из эрзя-мордовского языка и восходит к *вашень биле* ‘медуница неясная (травянистое растение семейства уранчиковых с мелкими душистыми цветками)’, где *вашо* ‘жеребенок’, *пиле* ‘ухо’, т. е. *вашень биле* – букв. ‘жеребьячье ухо’, см. также *vašen’bile*, *višpile*, *išpil’a*, *išpil’av* ‘медуница мягкая, *Pulmonariamollissima*’. «В мордовском языке это название возникло, по-видимому, вследствие сходства листьев медуницы с ушами жеребят» [5, 97].

Выведение *Ҷеҫпӓл* из *Ҷеҫ* ‘цветок’ и *пӓл* < *пыл* ‘мед’, предложенное В. Г. Егоровым [8, 209], неверно [15, т. 2, 104–105], [5, 97].

Если этимология приведенных выше мордвинизмов не вызывает вопросов, то иначе обстоит дело со следующей группой слов, приводимой далее.

Аламине-саламине [алам’ин’э салам’ин’э] слово с неизвестным значением в заумной считалке «Аламине, саламине, икшӓл, виҫшӓл, евишшӓл» в игре «Пӓррӓм-пӓррӓм» («Догонялки») [2, т. 1, 108].

Наблюдаемая мордовская параллель представлена парным образованием, состоящим из эрзянского *аламонь* ‘понемногу’ и *салавине* ‘тайком’. При этом сложно исключить татарскую обусловленность слова: тат. *алам-салам* – ‘вздор, ерунда, пустяк; плохой’ [11, 36]. О том же свидетельствует место фиксации агнонима в виде *ала мине, сала мине* в зоне, соприкасающейся с татарами (Средние Юмаши Урмарского района Чувашской Республики) [2, т. 10, 235], а не мордвой. Ко всему прочему, чувашскому фольклору присуще функционирование заумных загадок татарского происхождения [19]. Надо сказать, что еще недавно высказывавшаяся уверенность в мордовском происхождении *аламине-саламине* [16, 100] теперь уже не подтверждается объективными аргументами.

Ватра [ватра́] слово с неизвестным значением, встречающееся в следующем контексте: *Ну ватра, тата хёрарймсем пёр пёрчё сўсрен сёр хур пир тавас пулать тет.* ‘Ну ватра, еще женщины должны сделать из одной кудели сто локтей полотна’ (перевод наш. – Э. Ф.) [2, т. 5, 188].

Словарная статья не содержит каких-либо географических или иных привязок, позволяющих точнее идентифицировать происхождение слова. Однако по звучанию и общему содержанию предложения можно допустить его мордовское происхождение: мордЭ. *вадря* – ‘хорошо, ладно’.

В татарском языке установлено более 60 мордвинизмов, прежде всего связанных с каратаями – этнографической группой татаризированной мордвы [10]. Некоторые из мордовских заимствований в татарском языке встречаются и в чувашском:

тат. *ака* ‘старшая сестра’ < мордМ. *ака* ‘старшая сестра, тетя’. Между тем чув. *акка* ‘старшая сестра; тетка’ признается родственным др.-тюрк. *ekä* ‘старшая сестра, тетя’ [15, т. 1, 31]. (Справедливости ради следует заметить, что этимологизация *ака* – дело безнадежное, поскольку аналоги данного слова наблюдаются во многих языках мира и объективно выявить причинно-следственные связи между ними не представляется возможным);

тат. диал. *пукмар, пуммар* ‘небольшие нары, служащие одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды’ < мордЭ. *потмар* ‘шкаф для посуды’, мордМ. *пуммар* ‘ящик под лавкой для посуды’. Их чувашское соответствие – *пуммар* ‘1. нары. 2. деревянная кровать’ [18, 320]. Однако все приведенные реализации *пуммар* в итоге восходят к русскому *поднарьё*, в том числе в мордовских языках [6].

Резюме. Чувашско-мордовские языковые контакты нуждаются в более широких исследованиях, нежели это сложилось к настоящему времени. Оба языка имеют много сходных явлений, обусловленных наследием урало-алтайской общности и контаминационными отношениями тюркских и финно-угорских языков в условиях Волго-Камского союза. Собственно, каково чувашское участие в судьбах мордовских языков и мордовское участие в судьбах чувашского языка? Нельзя исключить справедливости предположения В. Г. Егорова о фрагментарных взаимоотношениях древних чувашей с мордвой. Но коль скоро исходить из заключения мордовских исследователей о незначительном числе чувашизмов в мордовских языках, объективно предположить, что и мордвинизмов в чувашском не может быть много. Их поиски следует направить в сторону говоров низового диалекта, соприкасающихся с мордовскими языками, а также выискивать мордовское наследие в маргинальной лексике.

Условные сокращения:

диал. – диалект; др.-тюрк. – древнетюркский; морд. – мордовские языки; мордМ. – мордовско-моршанский язык; мордЭ. – мордовско-эрзянский язык; тат. – татарский язык; чув. – чувашский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, Н. А. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ / Н. А. Андреев. – Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1961. – 160 с.
2. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
3. Бутылов, Н. В. Иноязычная лексика в мордовских языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.22 / Н. В. Бутылов. – Йошкар-Ола, 2006. – 382 с.
4. Бутылов, Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.07 / Н. В. Бутылов. – Саранск, 1998. – 16 с.
5. Дмитриева, Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ю. Дмитриева ; ред. К. Адыгаши. – Дебrecен : Б. и., 2001. – 211 с.
6. Добродомов, И. Г. Из лексики Волго-Камского языкового союза / И. Г. Добродомов // Урало-Алтайские исследования. – 2010. – № 2. – С. 105–110.
7. Егоров, В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении / В. Г. Егоров. – 2-е изд., испр. – Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1971. – 201 с.
8. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
9. Моторкина, С. Г. Лексика эрзянских говоров Чувашского Присурья : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. Г. Моторкина. – Саранск, 2002. – 19 с.
10. Насипов, И. С. О мордовских заимствованиях в татарском языке / И. С. Насипов // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 4. – С. 44–47.
11. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге : якынча 40000 берәмлек / Татарстан Республикасы фәннәр академиясе ; Г. Ибраһимов исемеңдәге тел, әдәбиятәм сәнгать институты. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2009. – 839 б.
12. Татарча-русча сүзлек : 56000 чамасысүз, 7400 фразеологик берәмлек : 2 томда / Татарстан Республикасы фәннәр академиясе ; Г. Ибраһимов исемеңдәге тел, әдәбиятәм сәнгать институты. – Казан : Татар китап нәшрияты, 2007.
13. Федотов, М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. 2 / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 214 с.
14. Федотов, М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. – 335 с.
15. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
16. Фомин, Э. В. Семантизация абсолютных агнонимов чувашского языка на основе финно-угорского материала / Э. В. Фомин // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России : материалы V Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. – Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2014. – С. 99–101.
17. Фомин, Э. В. Социолингвистическая характеристика чувашеговорящей мордвы / Э. В. Фомин // Языковые контакты Поволжья : сб. ст. – Турку : The Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 2002. – С. 197–204.
18. Чăвашла-вырăсла словарь / М. И. Скворцов редакциленĕ. – 2-мĕш кăларăм. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.
19. Чекушкин, В. С. Пытаннă сăнарлăх (чăвашсен уçăмсăр текстлă тупмалли юмахĕсене тугарла вуласа пăхни) / В. С. Чекушкин // Чăваш халăх сăмахлăхĕ : тĕпчевсемпе текстсем. – Шупашкар : Чăваш АССР Министрсен Совечĕ сүмĕнчи аслăлăхпа тĕпчев институтĕ, 1989. – С. 46–59.
20. Ягафова, Е. Самарские чувашы: историко-этнографические очерки. Конец XVII – начало XX в. / Е. Ягафова. – Самара : ИЭКА «Поволжье», 1998. – 368 с.
21. Raasonen, H. Dietürkischen Lehnwörter im Mordvinischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1897. – Bd. XV. – 64 S.